

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 174–182

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 174–182

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-174-182>, EDN: RJMFLR

Научная статья

УДК 821.161.1.09-14+929Мандельштам

Поэт и заговорщики: к истории интерпретаций стихотворения О. Мандельштама «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922)

Б. А. Минц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Минц Белла Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, bella-mints7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-4227>

Аннотация. Статья представляет собой анализ нескольких интерпретаций одного из ключевых стихотворений в поэзии Мандельштама 1920-х гг. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922). Целью автора является обозначение и анализ наиболее проблемных узлов данного лирического текста и его толкований в научной литературе. В основе лирического сюжета лежит столкновение разных жизненных позиций заговорщиков и протагониста. Логико-синтаксическая структура стихотворения сложно соотносится с образным строем. Проблема заключается в том, как с разными позициями связаны те или иные строки, образные ряды, стилистика отдельных предложений. Это порождает некоторую неопределённость в восприятии, а также разные и даже противоположные интерпретации одних и тех же фрагментов в плане их связи с тем или иным жизненным выбором. Учитываются выводы исследователей о ближайшем контексте творчества Мандельштама и некоторые замечания об интертекстуальных связях. Автор статьи сверяет наблюдения и выводы исследователей со своим восприятием текста. Высказано предположение, что лирический герой не делает окончательный выбор. Он ощущает трагизм своего положения, неразрешимость противоречий и причастность к разным полюсам русской истории. Это сочетается с принципиальной возможностью вариативного толкования отдельных элементов текста. Сложность позиции Мандельштама, а также особенности его поэтики и породили разногласия в понимании этого стихотворения.

Ключевые слова: интерпретация, протагонист, заговорщики, декабристы, цензурный вариант, антитеза, сегмент, подтекст, Мандельштам, Пушкин, Тютчев

Для цитирования: Минц Б. А. Поэт и заговорщики: к истории интерпретаций стихотворения О. Мандельштама «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 174–182. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-174-182>, EDN: RJMFLR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The poet and the conspirators: Towards the history of interpretations of O. Mandelstam's poem "For Some the Winter Means Arak and Blue-Eyed Sparkling Punches..." (1922)

B. A. Mints

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Bella A. Mints, bella-mints7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-4227>

Abstract. The article is an analysis of several interpretations of one of the key poems in Mandelstam's poetry of the 1920s, "For Some the Winter Means Arak and Blue-Eyed Sparkling Punches..." (1922). The purpose of the author is to identify and analyze the most problematic issues of this lyrical text and its interpretations in the scientific literature. The lyrical plot is based on the clash of different life positions of the conspirators and the protagonist. The logical and syntactic structure of the poem is intricately connected with the figurative structure. The problem lies in how certain lines, figurative rows, and the style of individual maxims are associated with different positions. This creates some uncertainty in perception, as well as different and even opposite interpretations of the same fragments in terms of their connection with a particular life choice. The researchers' conclusions about the near-term context of Mandelstam's work and some remarks about intertextual connections are taken into account. The author of the article compares the observations and conclusions of the researchers with her own perception of the text. It is suggested that the lyrical hero does not make a final choice. He feels the tragedy of his situation, of the irreconcilable contradictions, and of his involvement in the extremes of the Russian history. This is combined with the fundamental possibility of versatile interpretation of individual elements of the text.

The complexity of Mandelstam's position, as well as the peculiarities of his poetics brought forth disagreements in the understanding of this poem.

Keywords: interpretation, protagonist, conspirators, Decembrists, censored version, antithesis, segment, subtext, Mandelstam, Pushkin, Tyutchev

For citation: Mints B. A. The poet and the conspirators: Towards the history of interpretations of O. Mandelstam's poem "For Some the Winter Means Arak and Blue-Eyed Sparkling Punches..." (1922). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 174–182 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-174-182>, EDN: RJMFLR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Некоторые ключевые стихотворения Мандельштама порождают интерпретации со столь широкой смысловой амплитудой, что вновь и вновь провоцируют на признание амбивалентности как органичного свойства его поэтической системы или констатации потока образов, не поддающихся рациональному объяснению. Думается, иногда полезно обратиться к логике исследователей, в том числе к ранним этапам мандельштамоведения, чтобы попробовать понять, как разный, подчас взаимоисключающий, ход аналитической мысли связан с природой самого текста. Цель этой статьи – рассмотреть некоторые интерпретации одного из важнейших мандельштамовских текстов 1920-х гг. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922), сверяясь с его художественной спецификой и выделяя наиболее проблемные моменты.

Стихотворение не раз привлекало внимание исследователей. Оно стало предметом детального монографического изучения в статье М. Л. Гаспарова (2012 [1]). У Д. М. Магомедовой вызвала интерес его интертекстуальная структура (1991 [2]). Интерпретация стихотворения вписывалась авторами в общий анализ лирики Мандельштама (В. В. Мусатов, 2000 [3]), в рамки контекстных переключений (О. Ронен, 1983 [4]; А. Хан, 1977 [5]), в перспективу анализа отдельных проблемно-тематических линий (И. Сурат, 2009 [6]; Киришбаум, 2010 [7]), в процесс выявления адресата (Парнис, 1991 [8]). Разночтения в понимании текста касаются в этих работах не только частных деталей, но и авторской позиции, самоопределения и выбора судьбы в один из самых сложных периодов жизненного пути, т.е. некоего содержательного нерва. Это побуждает вновь обратиться к названным работам и к самому стихотворению.

Приведем текст стихотворения и некоторых его вариантов.

1. Кому зима – арак и пунш голубоглазый,
Кому душистое с корицею вино,
Кому жестоких звезд соленые приказы
В избушку дымную перенести дано.

2. Немного теплого куриного помета
И бестолкового овечьего тепла;
Я всё отдам за жизнь – мне так нужна забота, –
И спичка серная меня б согреть могла.
3. Взгляни: в моей руке лишь глиняная крынка,
И верещанье звезд щекочет слабый слух,
Но желтизну травы и теплоту суглинка
Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух.
4. Тихонько гладить шерсть и ворошить солому,
Как яблоня зимой, в рогоже голодать,
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
И шарить в пустоте, и терпеливо ждать.
5. Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарою овец и хрупкий наст скрипит,
Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу,
Кому – крутая соль торжественных обид.
6. О, если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд,
И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке.
А белый, белый снег до боли очи ест.
1922 [9, с. 104–105].

Из чернового варианта 5-й строфы: «Отарою овец, и кто-то говорит: / Есть соль на топоре, но где достать телегу, / И где рогожу взять, когда деревня спит?» [9, с. 421].

Варианты 5-й строфы из первопечатной редакции («Россия». 1922. № 1) и «Стихотворений» 1928 г. соответственно: «Людишки темные торопятся по снегу» [9, с. 421]; «Пусть люди темные торопятся по снегу» [10, с. 157].

Стихотворение представляет собой неформальную диалогическую структуру, строится на антитезе жизненных позиций и теме выбора судьбы, что открыто выражено в синтаксической конструкции (кому – кому) и весьма тонко – в образном строе. В стихотворении фигурируют «заговорщики» (в подцензурных вариантах – «люди темные» / «людишки темные»), которые у большинства авторов ассоциируются с декабристами. О. Ронен считает образ голубого пунша, восходящий к Пушкину («и пунша пламень голубой» из «Медного всадника» [11, с. 275]) мандельштамовской эмблемой заговора, политического в «Декабристе» (1917) и литера-

турного в последней главе «Шума времени» – «В не по чину барственной шубе» [4, р. 279]. Заговорщикам противопоставлен лирический герой. Иные его определения – субъект / источник речи, протагонист и условное «поэт». Однако провести дифференцию жизненных позиций в стихотворении «Кому зима – арак...» не так уж просто. Взаимодействие поэтического синтаксиса и образного строя, лексических слоёв создаёт некоторую неопределённость, порождая подчас противоположные толкования и разную логику, не в последнюю очередь в зависимости от того, к каким внетекстовым ассоциациям прибегает исследователь. Другими словами, в этом стихотворении логико-синтаксические связи и символика не всегда совпадают с семантикой полярности позиций.

Давно замечено, что образными рядами, подтекстом и смысловыми ходами стихотворение связано, прежде всего, с относительно ближним контекстом: это «Декабрист» (1917), «Умывался ночью на дворе...» (1921), «1 января 1924» и «Шум времени» (1923–1924). Тема заговора в этих текстах либо решается эксплицитно («Декабрист», «Кому зима – арак...», «Шум времени»), либо спрятана в подтекст, выявляется при помощи биографических и исторических реалий, ассоциативных поворотов мысли («Умывался ночью на дворе...»). Конкретика заговора, по мнению большинства исследователей, связана как с декабристами, так и с делом Таганцева, с мыслями поэта о судьбе Николая Гумилёва, если говорить о стихотворениях начала 1920-х гг.

Наиболее важной представляется тема выбора судьбы. В «Декабристе», например, это воплощается внешне декларативно, хотя и здесь не совсем ясен источник речи (персонаж или лирический субъект) (см. об этом: [7, с. 96]): «Но жертвы не хотят слепые небеса: / Вернее труд и постоянство» [9, с. 80]. В стихотворении «Кому зима – арак...» степень завуалированности возрастает, несмотря на кажущуюся ясность синтаксической конструкции.

Вопрос о том, сделан ли окончательный выбор или лирический герой стихотворения «Кому зима – арак...» колеблется, непросто. М. Л. Гаспаров считает, что выбор сделан [1, с. 593]. В. В. Мусатов конкретизирует и даёт категоричную формулировку о предопределённости выбора свыше звёздами: «Для Мандельштама таким выбором была жизнь, для Гумилёва – смерть» [3, с. 242]. В связи с этим возникает ряд вопросов: задумывается ли поэт о грани между предопределённостью и свободой

выбора? как совместить важнейшие для Мандельштама поэтические и этические категории чести, совести, жертвенности с выбором жизни как таковой в эту суровую эпоху? можно ли считать названные тексты отражением разных этапов идеологической эволюции поэта и разных решений, или есть некий относительно постоянный клубок идей и переживаний, который делает его позицию сложной и в чём-то единой?

В этом идеологическом поле неизбежно возникает тематика жертвы и казни (см. об этой теме: [6]). Образ топора из стихотворения «Умывался ночью на дворе...» и варианта «Кому зима – арак...», являясь прозрачным символом казни (в первом тексте – с аллюзией на расстрел Н. Гумилёва), достаточно проблематичен: это топор карающего государства или орудие заговорщиков? Колебания в толковании отражены в статье М. Л. Гаспарова и подхвачены Г. Киршбаумом. Второе объяснение (орудие заговорщиков) поддержано в названных работах ссылкой на реминисценции стихов Гейне о казни монарха [1, с. 592–593; 7, с. 124]. Это заставляет вспомнить шокирующую загадку стихотворения 1931 г. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»: «Обещаю построить такие дремучие срубы, / Чтобы в них татарва опускала князей на бадье»; «И для казни петровской в лесу топорнице найду» [9, с. 139]. О чьей казни здесь идёт речь? Прямая логика, предполагающая обещание участия в казнях в обмен на сохранение наследия, тут не работает, ибо никак не стыкуется с главным кредо поэта, отвергающего насилие. Исследователи пытаются интерпретировать эти вызывающие строки как парадоксальное название всего, что происходит в стране [12, с. 233], как принятие на себя смертных грехов народа [13, с. 650], покаяние и добровольное искупление, готовность к собственной казни [6, с. 183–186]. Толкования весьма остроумны и глубоки, однако вызывает сомнение мысль о том, что поэт готов на всё [6, с. 179–180], чтобы не быть «отщепенцем в народной семье» [9 с. 139].

Эта неразрешённая загадка вспомнилась в связи с тем, что символика казни допускает и в черновике стихотворения «Кому зима – арак...», и в «Сохрани мою речь...» не просто вариативные, но полярные толкования. В поздней реплике мучительной мысли о выборе пути, уже на пределе трагизма, исключается непричастность поэта, которому ближе рождественская звезда, к тому полюсу русской истории, символом которого является топор. Можно, конечно, говорить

об эволюции мандельштамовской мысли, но, по нашему мнению, неразрешимое противоречие между христианским миропониманием, мечтой о «телеологическом тепле» [14, с. 76], с одной стороны, и представлениями о чести, невозможностью отделить себя от самых болезненных явлений национальной истории, с другой, присутствуют в обоих текстах, разделённых десятилетием.

Рассматривая разные толкования стихотворения 1922 г., нужно учитывать наличие другого варианта, подцензурного, по мнению комментаторов: замена «людишек темных» («людей темных») на «заговорщиков» в предпоследней строфе может принципиально изменить взгляд на стихотворение: либо «люди темные» ассоциируются с заговорщиками, как считает В. В. Мусатов [3, с. 243], либо этот вариант меняет весь смысл полемики, лежащей в основе стихотворения. А. Е. Парнис полагает, что Мандельштам мог переосмыслить и переработать стихотворение, первоначально связанное со смертью Блока и гибелью Гумилёва, узнав о смерти «звёздного» поэта Хлебникова [8, с. 195], и что в стихотворении «Кому зима – арак...» речь может идти об «одном адресате в нескольких ипостасях» [8, с. 192]. В таком случае это – часть мифа о смерти поэта. Трудно лишь понять, как это соотносится с разными публикациями стихотворения, с заменой вариантов и с первоначальной авторской волей.

М. Л. Гаспаров строит свою интерпретацию на достаточно чётком противопоставлении: предметными символами чужого для поэта мира заговорщиков становятся арак, пунш и глинтвейн, а также почти весь образно-мотивный комплекс, сложившийся вокруг звёзд, тогда как в пространстве лирического героя – «избушка дымная», «теплый куриный помет», «глиняная крынка», шерсть, солома. Общим сегментом являются образы звёзд в разных модификациях и зимы, но над заговорщиками – «повелевающие звёзды» [1, с. 589], а над лирическим героем они лишь «непонятно верещат» [1, с. 589].

Стоит вспомнить, что в мандельштамовской лирике 1920-х гг. возникает тройственное переплетение образов зимы (снега) – соли – звёзд. Изобразительная функция, основанная на сходстве звёзд и снега с солью, соседствует со сложными семантическими скрещеннями, порождая пучки символических значений, указывающих на нравственно-философскую сферу с возможной политической коннотацией: «Жестоких звезд соленые приказы»; «И, словно

сыплют соль мощною дорогой, / Белеет совесть предо мной» [9, с. 118] из «1 января 1924». Анализ связки «соль-звёзды» наиболее полно представлен в работах О. Ронена и М. Л. Гаспарова [4, р. 277–279; 1, с. 588–590]. Основные переносные значения слова «соль», приводимые исследователями: едкая горечь выбора пути, преданность и верность клятве, «соль земли», очищение жертвы перед жертвоприношением («соль на топоре»). Говоря о генезисе образного ряда, они упоминают, прежде всего, Библию, однако констатируют оригинальность авторских образно-смысловых скрещений.

Относительно «зимней» символики важную интертекстуальную параллель приводит О. Ронен в своём разборе «1 января 1924», где есть мотивы, сходные со стихотворением «Кому зима – арак...». Говоря о связи образов зимы и железа, он среди прочих приводит строки из «14 декабря 1825» («Вас развратило самовластье...») Тютчева [4, р. 290–291]: «О жертвы мысли безрассудной, / Вы уповали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить! // Едва, дымясь, она сверкнула / На вековой громаде льдов, / Зима железная дохнула – / И не осталось и следов» [15, с. 56]. В стихотворениях Мандельштама символический смысл образа зимы рождается не столь непосредственно и открыто, как у Тютчева. Он вырастает из ярких предметно-образительных деталей и из общей для двух текстов («Кому зима – арак...» и «1 января 1924») антитезы холода и тепла в их предметном, экзистенциальном и политическом значении. Нельзя не вспомнить и пассаж о девятнадцатом столетии из финальной главы «Шума времени»: «Я хочу окликнуть столетие, как устойчивую погоду, и вижу в нем единство непомерной стужи, спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночку, в глубокую зиму, где страшная государственность – как печь, пышущая льдом» [14, с. 258]. Блоковская «непомерная стужа» из «Шагов командора» резонирует с вольными цитатами из пушкинского «Пира во время чумы» в предыдущем фрагменте «Шума времени», посвящённом русской литературе: «Литература века была родовита. Дом ее был полная чаша. За широким раздвинутым столом сидели гости с Вальсингамом. Скинув шубу, с мороза входили новые. Голубые пуншевые огоньки напоминали приходящим о самолюбии, дружбе и смерти. Стол облетала произносимая всегда, казалось, в последний раз, просьба: “Спой, Мэри”, мучительная просьба последнего пира» [14, с. 257].

«Зимняя» символика в поэзии и прозе Мандельштама 1920-х гг. совмещает многие смыслы, создавая разные акценты в каждом конкретном произведении, но восходя к единому семантическому комплексу. Об одной из образно-концептуальных линий этого «пучка» пишет С. Г. Шиндин, имея в виду характерные для акмеизма и Мандельштама в 1920-е гг. идеи «связи поэтического искусства с революцией» [16, с. 223] и проецирование её на культурные прецеденты. Это, в частности, отражено в соотносённости стихотворения «Кому зима – арак...» через образ голубого пунша не только со стихотворением «Декабрист», но и с приведённым выше фрагментом «Шума времени», а значит, и с русской литературой. Подобный ход мысли заставляет сомневаться в чётких границах противопоставления заговорщиков и поэта, как условно обозначает протагониста стихотворения «Кому зима – арак...» М. Л. Гаспаров. Многозначная пушкинская рифма «зима – чума», сюжетообразующая для гимна Вальсингама, обыграна Мандельштамом в финальном пассаже «Шума времени», но бросает некий свет и на стихотворения 1920-х гг. «Голубые пуншевые огоньки» и вся лейтмотивная линия «пира во время чумы» («пьяная чума» [9, с. 55] из стихотворения 1913 г. «От легкой жизни мы сошли с ума...»; «зачумленная зима» из варианта «Кассандры» [9, с. 416]; «чумный председатель» [9, с. 145] из «Фазетонщика» («На высоком перевале...», 1931); ангел Мэри из стихотворения «Я скажу тебе с последней прямокой...», 1931; «В игольчатых чумных бокалах...» [9, с. 163] из «Восьмистиший», 1933–1935; мотивы чумы и предсмертного веселья в стихотворении «К немецкой речи», 1932, и в статье «Гротеск», 1922, где есть переклички с финалом «Шума времени», образы ехидничающих звёзд, снега, бесов, предчувствия конца), характерная для творчества Мандельштама, складываются в некий глубинный динамичный подтекст, который вовлекает поэта в мир, обозначенный исследователями в «Кому зима – арак...» как полярный протагонисту. Во всяком случае, это усложняет антитезу или подразумевает некое балансирование в точке выбора, в чём-то подобное пушкинскому «и я бы мог...», если это было сказано о пяти повешенных (о толкованиях этой пушкинской записи см., например: [17, с. 179–183; 18]).

Общий сегмент двух жизненных миров (зима и звёзды) можно дополнить. Характерный

для Мандельштама образный ряд, связанный с овцами, применительно к протагонисту воплощается в своём предметном значении с коннотацией скудного естества, убогого, но спасительного тепла и смиренного прития такой жизни. Как сравнение, он применён к образу заговорщиков («отарою овец»). Это также размывает жёсткую схему противопоставления, неся в себе семантику бестолковости («бестолковое овечье тепло»), отсутствия единой спасительной истины, несмотря на иллюзии, подчинённость какой-то внешней необоримой силе. Есть и другая трактовка «овечьих» мотивов: заговорщики – жертвы, обречённые на заклятие [3, с. 244]. М. Л. Гаспаров приводит очень важные параллели к «овечьей» метафорике: это, во-первых, мандельштамовская концепция эллинизма, а во-вторых, его миф о поэте, восходящий к эпизоду об Овидии в пушкинских «Цыганах», который Мандельштам цитирует в статьях «Слово и культура» (1921) и «О природе слова» (1922), вышедших в тот же период, что и стихотворения «Умывался ночью на дворе...» и «Кому зима – арак...» [1, с. 588]: «Как мерзла быстрая река / И зимни вихри бушевали, / Пушистой кожей прикрывали / Они святого старика» [11, с. 156]. Объединяют «Кому зима – арак...» с пушкинским фрагментом «зимняя» символика, «чужие люди» и пушистая шкура зверя (возможно, «овечье тепло» – перифраза руна) как источника спасительного тепла. Разница в том, что в стихотворении Мандельштама чужое остаётся чужим, не принимая человеческий облик («Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому»), а согревающая шкура – мечтой. Если же под «чужим» понимать мир заговорщиков, тогда лирический герой далёк от того, чтобы безоговорочно отвергать его.

Антитеза «поэт (протагонист, лирический субъект) – заговорщики» осложняется возможностью вариативного толкования второго члена этой оппозиции. В образе «соль на топоре» черного варианта, появившемся ещё в стихотворении с явственным «гумилёвским» подтекстом «Умывался ночью во дворе...» («Звездный луч – как соль на топоре» [9, с. 104]), М. Л. Гаспаров видит возможную семантику принесения жертвы заговорщиками, «жертвенной крови государей» [1, с. 590]. Заговорщиков из «Кому зима – арак...» он склонен гипотетически связывать не с декабристами, а с убийцами Павла I и стихотворением «Заснула чернь! Зияет площадь аркой...» (1913), предлагая такую трактовку как

альтернативную. И в «Умывался ночью...», и в «Кому зима – арак...» – «это не топор казнящей власти» [1, с. 592], а топор заговорщиков.

Если такая интерпретация применима к отброшенному варианту стихотворения «Кому зима – арак...», то окончательный текст, где «топор» исчезает, не даёт уверенности в подобной авторской логике. Вместе с тем аллюзии на таганцевский заговор заставляют говорить о терроре как таковом, о любой форме насилия как отвергнутом соблазне [1, с. 592; см. также: 7, с. 122]. Во всяком случае, черновые строки «Есть соль на топоре, но где достать телегу / И где рогожу взять, когда деревня спит?» передают атмосферу обыденности смерти как знака эпохи революций и войн, а также содержат в подтексте противопоставление естественного цикла жизни воле заговорщиков.

Две последних строки начального катрена усиливают впечатление неопределённости. «Жестоких звезд соленые приказы» семантически и стилистически перекликаются со строкой «крутая соль торжественных обид» из предпоследней строфы и предположительно указывают на заговорщиков или, по крайней мере, на нечто, чуждое протагонисту стихотворения. А вот «избушка дымная» вписывается в его пространство. Можно представить, что два мира пересекаются уже в первой строфе: «Кому жестоких звезд соленые приказы / В избушку дымную перенести дано». Жестокие звёзды неотвязны и не оставляют лирического героя и в «избушке дымной», которая становится средоточием его пространства, скудного, убогого приюта. Во всяком случае, исключить такое понимание нельзя. М. Л. Гаспаров разводит «избушку дымную» (мир поэта) и приказы звёзд (мир заговорщиков) [1, с. 587–588]. При таком повороте разделительная конструкция становится ещё более туманной: кому дано перенести приказы звёзд в свой жалкий приют?

О. Ронен в образе «приказов звёзд» предположил аллюзию на кантовскую сентенцию о звёздном небе над нами и моральном законе внутри нас, т.е. о силе мироздания и силе совести [4, р. 279]. Г. Киришбаум говорит также о «двусмысленном смещении с советской звёздной геральдикой» [7, с. 124]. Первая ассоциация спроецирована на тему судьбы, которая может содержаться как в астральной образности, так и в мотиве гадания с петухом, а также на имплицитную тему совести и моральной силы, соотносимую равно и с заговорщиками, и с

лирическим героем. На это намекает последняя строка «А белый, белый снег до боли очи ест...» (ср. в «1 января 1924»: «И словно сыплют соль мощною дорогой, / Белеет совесть предо мной» [9, с. 118]). Вторая ассоциация не противоречит идее о причастности протагониста к миру «жестоких звезд», от которого не убежать (ср. в «1 января 1924»: «И некуда бежать от века-властелина» [9, с. 118]).

Три раза повторив «кому», Мандельштам поставил в странную позицию «душистое с корицею вино». По элементарной логике разделительной конструкции речь идёт как будто бы о трёх дорогах. Если проигнорировать этот момент, то можно отнести пассаж о глинтвейне и к любителям арака и пунша (по семантике опьяняющих напитков), и к лирическому герою (по семантике тепла, согревающего в зимний день). С другой стороны, арак, пунш и глинтвейн объединяются и переносным лексическим значением, поддерживая атмосферу лёгкого опьянения, создающего некую иллюзорную реальность. Это вполне можно соотносить с семантикой заговора и пьянящей вольности. В. В. Мусатов связывает причинно-следственной связью арак и пунш заговорщиков со строкой «Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу» из 5-й строфы как перифразой смерти [3, с. 244]. М. Л. Гаспаров относит эти «горькие» образы к протагонисту стихотворения [1, с. 588]. У О. Ронена строка «Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу» ассоциируется с дантовским горьким хлебом изгнанника и ахматовским «Темна твоя дорога, странник, / Полынью пахнет хлеб чужой» («Не с теми я, кто бросил землю», 1922 [19, с. 389]). При этом он не относит лирического героя ни к заговорщикам, ни к эмигрантам [4, р. 279]. (Ср. с аллюзией на Данте в позднем тексте Мандельштама о собственной тени, что «шумит среди людей, / Греясь их вином и небом, / И несладким кормит хлебом / Неотвязных лебедей» [9, с. 196].) Таким образом, в первом четверостишии поэтический синтаксис осложнён образно-смысловыми узорами, которые способствуют появлению колеблющихся смыслов и разной логики исследовательских ассоциаций. Этот же эффект возникает в силу разного понимания внутреннего контекста стихотворения.

Начиная со второй строфы, заметно меняется субъектная структура стиха. Там, где есть местоимения первого лица и инфинитивы, возникает стихотворный период, воспроизводящий позицию лирического героя (2–4-я строфы).

Инфинитив здесь вбирает в себя семантику желаний и жизненной установки приятия скудной жизни, и «дымная избушка» из 1-й строфы вполне вписывается в этот образный ряд, как и «горький дым к ночлегу» из 5-й строфы. Синтаксические знаки принадлежности лирическому герою есть также в 5-й и 6-й строфах: это конструкции с частицей «пусть» и восклицанием «о если бы». Они также поддерживают модальность желаемого, как и 2–4-я строфы, но здесь есть и волевое отталкивание от пути заговорщиков, и семантика невыполнимости мечты. Весь образный ряд 2–4-й и 6-й строф характеризует жизненную программу протагониста. Сложнее устроена 5-я строфа, особенно две последних строчки («Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу, / Кому – крутая соль торжественных обид»). Проблема в том, в какой из этих двух строк сквозь призму сознания лирического героя воспроизведён чужой путь. Выше было показано, как индивидуальные исследовательские ассоциации приводят к принципиально разному пониманию, к кому относить полынь и дым.

Д. М. Магомедова на основе варианта с «тёмными людьми» иначе описывает саму антитезу, организующую текст. С одной стороны – знаки лёгкой застольной поэзии (арак, пунш, «душистое с корицею вино»), с другой – космос и «простой земной, как бы “внекультурный” или “докультурный” обиход» [2, с. 410]. Эпикурейство она относит к адресату полемики, а звёзды и «избушку дымную» – к речевому субъекту, который отталкивается «от эпикурейского бездумного упоения жизнью» [2, с. 410].

С уверенностью можно согласиться, что «арак и пунш голубоглазый» влекут за собой «заговорщическую» ассоциацию благодаря контексту творчества Мандельштама. Вместе с тем за этими образами действительно тянется шлейф поэтической классики, связанной «с традициями “лёгкой”, эпикурейской, застольной поэзии XVIII – начала XIX в.» и с гусарскими мотивами Дениса Давыдова [2, с. 409–410]. Очевидно, Мандельштам создаёт синтетический «портрет» культуры пушкинской эпохи, в которой идея вольности воплощается и в лёгкой, и в высокой, торжественной ипостаси.

Иначе, нежели у М. Л. Гаспарова, описана Д. М. Магомедовой связь носителей противоположных позиций со звёздами. Она полагает, что «лирический герой по отношению к звёздам находится в позиции заинтересованного собе-

седника: он слушает их верещанье и солёные приказы» [2, с. 410] (выделено автором. – Б. М.). Напомним, что М. Л. Гаспаров противопоставляет «верещанье» и «солёные приказы», относя их к представителям разных позиций. По мнению Д. М. Магомедовой, жестокий космос включается в жизненный мир субъекта речи («я»), отражая драматизм взаимоотношений человека с мирозданием. М. Л. Гаспаров, напротив, подводит к фабуле заговора: «жестоких звезд солёные приказы» и «крутая соль торжественных обид» влекут за собой стремление отомстить за обиды [1, с. 587]. В пользу такого понимания образной антитезы, возможно, говорит эпитет «торжественных», не вписывающийся в образный строй и интонацию субъекта речи. О. Ронен предлагает другое толкование: «Крутая соль торжественных обид» – «это удел тех, чей выбор – остаться в советской России» [4, р. 313], тех, кто верен родине вопреки обидам. Образная связка «соль – звёзды» ассоциируется как с болью от потери слова («1 января 1924»), так и с темой совести, чести [4, р. 277] (см. об этом образном пучке также: [20, с. 10]). Отсюда можно сделать вывод, что она не может не касаться протагониста стихотворения «Кому зима – арак...» Но, возможно, «жестоких звезд солёные приказы» и «крутая соль торжественных обид» при всей стилистической близости относятся к носителям противоположных позиций? Вновь жёсткая логика противопоставления предельно осложняется образными вариациями, прорастающими в обеих частях диалогической структуры.

В предпоследней и последней строфах цензурного варианта «люди тёмные» уподоблены отаре овец и соотносятся, по мысли Д. М. Магомедовой, с такими атрибутами, как «полынь» и «горький дым к ночлегу», что позволяет ей подтвердить тезис об их принадлежности к «непросветлённому бытию» [2, с. 410]. В. В. Мусатов эти же атрибуты трактует как метафору смерти заговорщиков, а обиды оставляет лирическому герою [3, с. 244]. На это можно возразить: «горький дым к ночлегу» и «полынь» продолжают чувственный образный ряд мира лирического героя, отличающийся предметностью и семантикой слабого тепла.

По логике Д. М. Магомедовой, лирическому герою сопутствует «крутая соль торжественных обид», он непосредственно погружён в глубокие смыслы бытия. Полюса, что называется, поменялись. Ключевая тема заговорщиков, име-

ющая декабристско-гумилёвский подтекст, в такой интерпретации остаётся за скобками. Выбор варианта и определил трактовку, принципиально отличную от той, которую даёт М. Л. Гаспаров.

Финальная строфа убедительно связывается Д. М. Магомедовой с христанской культурой: это «рождественское шествие волхвов (петухов) и святочного гадания с петухом» [2, с. 410]. Она выстраивает образный ряд (помёт, шерсть, овцы, солома), проходящий через всё стихотворение и несущий в себе тему рождественских яслей, т.е. рождения христианского мира. Остаётся неясным, как встраивается христианская тема в диалогическую структуру стихотворения, кто является носителем христианских ценностей? Спроецировав эту дихотомию на вариант с заговорщиками и интерпретацию М. Л. Гаспарова, можно увидеть, что именно образ протагониста («поэта», лирического героя) влечёт за собой рождественские ассоциации. Если же атрибутика «темных людей» – гадание с петухом – одновременно несёт в себе рождественские коннотации, то ход поэтической мысли выглядит иначе: именно в недрах «непросветлённого бытия» рождается нечто новое.

Представляется всё же, что «петух в горшке» вместе с собакой и фонарём относятся к миру человека, смиренно тянущегося к простым основам жизни. Гадалка и петух как-то не вяжутся с семантико-стилистическим ореолом образа заговорщиков и их волевыми порывами. М. Л. Гаспаров предлагает альтернативные интерпретации других фрагментов, но «полуязыческое шествие под фонарём на двор к гадалке» [13, с. 639] уверенно относит к позиции поэта. Исходя из этого решения, можно заключить, что лирический герой причастен или хотел бы быть причастен к народной культуре и святочному гаданию с петухом. Петух оказывается земным аналогом носителя знания о судьбе. При этом святочнорождественские ассоциации могут иметь своим подтекстом мысль о гибели христианской эры.

Со словами «идти под солью звезд» также ассоциируется тема судьбы. Здесь образ лишается атрибута жестокости, но сохраняет в себе значение самой сути. Лирическому герою хочется довериться судьбе, вопрошать её простонародным способом, погрузиться в земную жизнь, соразмерную с человеческими возможностями. При этом «соль звезд» неотвязно преследует его как сила судьбы и необходимость жертвы. На эту мысль наводит тот пучок значений, который, по мысли исследователей, связан с этим сложным символом. Возможно, семантика собственной жертвы возникает благодаря

рецептивной ретроспекции, но, с другой стороны, эта мысль уже вполне явно присутствует в «1 января 1924», а темы смерти поэта и музыки – ещё в «Концерте на вокзале» (1921).

Последняя строка стихотворения – «А белый, белый снег до боли очи ест» – воспринимается как возвращение к реальности и резкий контраст с описанием смиренного желания. М. Л. Гаспаров трактует её как знак пассивной покорности поэта [1, с. 588]. Понять её можно и по-другому. Выше уже было упомянуто о перекличке этой строки с фрагментом из «1 января 1924» «И словно сыплют соль мощною дорогой, / Белеет совесть предо мной» [9, с. 118]. Слова о белом снеге ассоциируются с солью и сигнализируют о подтексте, связанном с этическими категориями. Смысловой и эмоциональный эффект усилен словом «боль», лексическим повтором «белый, белый», фонетикой (белый, боль). В этой строке спрятана мысль о невозможности осуществления той жизненной программы протагониста, которая была воплощена в предыдущих периодах стихотворения, невозможности спрятаться от неразрешимых вопросов. Вряд ли строка о белом снеге и боли очей акцентирует семантику слепоты, как об этом пишет А. Хан [5, с. 15]. Это скорее чувственный эквивалент душевной боли. Однако мотив слепоты присутствует в стихотворении применительно к лирическому герою («И шарить в пустоте») [5, с. 22] и, как сказано выше, к заговорщикам («отарою овец»). Возможно, это своеобразное эхо «слепых небес» из «Декабриста», но и протагонист мыслится не носителем всё объясняющей идеи, не деятелем, а смиренным, терпеливым человеком, пытающимся найти себя в чужом мире, «тянуться с нежностью бессмысленно к чужому», познавать его наощупь. С мотивом слепоты коррелируют и образы гадалки, петуха, весь «звёздный» ряд.

Ясные выводы из приведённого обзора сделать трудно. Природа поэтической ткани в этом и многих других стихотворениях 1920-х гг. отражает беспримерную сложность позиции поэта, отсутствие простого решения, а также особые свойства его поэтики, склонность к мерцающим и вариативным смыслам. В сфере чистой идеологии можно согласиться со следующим утверждением В. В. Мусатова: «Несогласие на путь, избранный заговорщиками, не отменяло ни чувства вины перед ними, ни внутренней причастности к ним» [3, с. 244]. С точки зрения связи позиции и поэтики важно, что жизненный мир человека, воссозданный в

стилистике идиллического пространства (см. об этом: [21, 22]), но под знаком убывания, неполноты осуществления даже скудного тепла, потребность человека в тепле, «родственном его внутреннему теплу», в «очеловечении окружающего мира» [14, с. 76] противопоставлены идее и воле, пусть даже благородной, насильственно вторгающейся в мироустройство при невозможности предсказать все последствия этого вторжения. Манделъштам запечатлел трагизм истории, неразрешимость противоречий, в новых условиях развивая и наполняя живым историческим содержанием тот метафизический конфликт, который был заявлен ещё в ранних его стихах о приказах звёзд.

Стоит также заметить, что обзор разночтений в интерпретации лирических текстов Манделъштама продуктивен и способствует активизации исследовательской мысли, стремлению учесть как различные художественные уровни (поэтический синтаксис, образный строй, стилистические метки и т.д.), так и различные векторы восприятия: от безостановочной вязи ассоциаций, конгениальной внутреннему единству художественного мира Манделъштама в 1920-е гг. (см., например: [5]), до чёткого разделения позиций участников неформального диалога [1, 2]. Стихотворение «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» по-прежнему хранит неразгаданные смыслы.

Список литературы

1. *Гаспаров М. Л.* «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...». Манделъштамовское «Мы пойдём другим путём» // *Гаспаров М. Л. Избранные труды* : в 4 т. Т. 4. Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 587–597.
2. *Магомедова Д. М.* О. Манделъштам и И. Дмитриев (проблема внутреннего и внешнего адресата) // *Осип Манделъштам. Слово и судьба: Исследования и материалы.* М. : Наука, 1991. С. 408–413. EDN: VULMWN
3. *Мусатов В. В.* Лирика Манделъштама. Киев : Эльга-Н ; Ника-Центр, 2000. 560 с.
4. *Ronen O.* An approach to Mandel'stam. Jerusalem : The Magnes Press ; The Hebrew University, 1983. 396 p.
5. *Хан А.* Заметки о семантике контекстных переключек (Стихотворение О. Манделъштама «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...») // *Dissertationes Slavicae – Slawistische Mitteilungen.* Материалы и сообщения по славяноведению. Szeged, 1977. Т. 12. С. 3–29.
6. *Сурат И. З.* Жертва // *Сурат И. З. Манделъштам и Пушкин.* М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 156–195.
7. *Кирибаум Г.* «Валгаллы белое вино...». Немецкая тема в поэзии Манделъштама М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
8. *Парнис А. Е.* Штрихи к футуристическому портрету Манделъштама // *Осип Манделъштам. Слово и судьба: Исследования и материалы / отв. ред. З. С. Паперный.* М. : Наука, 1991. С. 183–204. EDN: VULMWN
9. *Манделъштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 1. Стихотворения. СПб. : Интернет-издание, 2020. 700 с. https://ruthenia.ru/mandelshtam_vol1.pdf (дата обращения: 27.08.2025).
10. *Манделъштам О. Э.* Стихотворения. М. : Госиздат, 1928. 195 с.
11. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Изд. 4-е. Т. 4. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 448 с.
12. *Жолковский А. К.* Сохрани мою речь, – и я приму тебя, как упряжь, или Манделъштам и Пастернак в 1931 году // *Звезда.* 2012. № 4. С. 226–235. EDN: ZGLBPB
13. *Гаспаров М. Л.* Комментарии // *О. Э. Манделъштам. Стихотворения. Проза.* М. : АСТ ; Фолио, 2001. С. 604–711.
14. *Манделъштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. Проза. М. : Прогресс-Плеяда, 2010. 760 с.
15. *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма : в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. М. : Классика, 2002. 528 с.
16. *Шиндин С. Г.* О некоторых аспектах метатекстуальной образности в творчестве Манделъштама двадцатых годов // «Отдай меня, Воронеж...» : Третьи международные Манделъштамовские чтения : сб. ст. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1995. С. 220–234. EDN: YVYVQX
17. *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. 4-е изд., стер. М. : Искусство, 1987. 446 с.
18. *Лотман Л. М.* «И я бы мог, как шут <...>» // *Временник Пушкинской комиссии, 1978 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. С. 46–59.*
19. *Ахматова А. А.* Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. М. : Эллис Лак, 1998. 968 с.
20. *Левин Ю. И.* Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 824 с. (Язык. Семиотика. Культура).
21. *Есаулов И. А.* Идиллическое у Манделъштама // *Творчество Манделъштама и вопросы исторической поэтики.* Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1990. С. 38–57. EDN: PHDCYX
22. *Балашова Е. А.* «Ничего не забыто в этой ладье...»: к вопросу об идиллии и идиллическом в лирике О. Э. Манделъштама // *Новый филологический вестник.* 2015. № 1 (32). С. 100–108. EDN: TQNWNL

Поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 27.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 27.09.2025; accepted for publication 10.02.2026